

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б93

Разработка серии *С. Курбатова*

Бутко, Сергей Васильевич.

Б93 Доброволец. На Великой войне / Сергей Бутко. — Москва : Яуза : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-105108-2

Отправившись в служебную командировку, наш современник журналист Михаил Крынников попадает в автомобильную катастрофу. Придя в себя, он обнаруживает, что оказался перенесен в прошлое. Декабрь 1914 года, идет Первая мировая война, позже названная «Великой».

Отправившись на фронт добровольцем, Михаил постепенно привыкает и вживается в реалии начала двадцатого века, участвует в боевых действиях, становится бойцом разведроты.

Однако через полгода Крынников замечает, что события происходят не так, как он помнит, — кто-то могущественный явно пытается изменить ход истории. Кто же этот неизвестный? Удастся ли Михаилу помешать его планам? И какое будущее ждет добровольца на Великой войне?!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бутко С. В., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105108-2

Часть I

Глава 1



Евгений Валерьевич, можно?
— Проходи, Гена, проходи... Ну, рассказывай, как обстоят дела с нашей «Форточкой»?

— Все в норме. Работаем как обычно в штатном режиме, происшествий нет.

— Ясно... А что насчет оптимального контура? Вычислили его уже всезнайки из аналитического?

— Обещали окончательно рассчитать примерно через недельку.

— Недельку?... Х-м-м-м... Неделька — это много, а у нас комиссия на носу, и если приедет не Мухин, а Гараев, то... Сам понимаешь, в какой мы тогда заднице все разом окажемся. Им там наверху результат подавай, и поскорее, а то, что с историей различные манипуляции проделывать дело опасное, начальству совершенно по барабану. Бюрократы, мать их!

Ладно, хватит скулить. Как поживают ряженные из «Штыка»? Убираться не собираются?

— Завтра отыграют свой цирк, и все.

— Ну, хоть одна хорошая новость за день. Только смотри, Гена, чтобы цирк прошел без задержек.

Нам свидетели лишние не нужны, а эти очень даже могут влезть и наломать дров.

— И пусть лезут, не жалко. Вы же знаете, что сфера перехода взаимодействует только с исходным кодом, а пришлый — на атомы и с концами.

— На атомы — это хорошо. Атомы говорить не могут...

Наверное, такой, ну или примерно такой разговор происходил в каком-нибудь сверхсекретном кабинете без таблички на двери. Конспираторы хреновы. Конечно. Куда им до мнения простых букашек-таракашек, когда тут вершатся дела государственной важности. Букашек не жалко. Зачем их спрашивать, когда букашки сами в паутину сунулись, вместо того чтобы в норке сидеть и помалкивать?

Но это уже сугубо организационный момент, о котором я понятия не имел. Впрочем, я несколько забегаю вперед, когда следовало бы рассказать все по порядку.

Итак, жил-был...

Нет, не пойдет. Это уже на сказку больше похоже. Но если как следует узнать все произошедшее со мной за последнее время, поневоле в сказку поверишь. Очень уж невероятной оказалась череда неожиданных и чудесных событий, в один миг перевернувших все с ног на голову.

Прошу прощения, совсем забыл представиться. Михаил Иванович Крынников. Тридцать пять лет от роду. Живу и работаю в небольшом городишке Н... Нижегородской области, являясь штатным корреспондентом местной газеты «Утренняя строка». Образование — высшее, гуманитарное.

ДОБРОВОЛЕЦ, НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Семейное положение: разведен, есть сын и дочь. Увлечения: чтение художественной и научной литературы, умеренные блуждания в дебрях Интернета, прогулки на природе. Отношение к вредным привычкам нейтральное. В общем, все как в мультике про Карлсона: «Умный, красивый, в меру упитанный мужчина, ну в полном расцвете сил!» Живу, работаю, ищу счастье и правду, а заодно и интересные материалы для родной газеты.

Кстати, об интересных материалах. Все началось именно с них и обычного, в чем-то даже будничного разговора, случившегося одним ясным апрельским утром.

* * *

«Фраза начальника: "У меня появилась интересная, перспективная идея!" — верный признак того, что у вас появилась нудная, бестолковая работа».

Читая как-то в журнале эту шутку, я еще не знал, что для меня она однажды станет явью. Идей у шефа и в самом деле много, но одна переплюнула остальные. А с учетом того, что шеф, будучи заядлым охотником, в минувшие выходные вернулся с охоты «по перу» без добычи, настроение у него было соответствующее.

«Вот что, Миша, — сказал он мне, отложив в сторону лист с очередным подписанным приказом, — газета у нас, конечно, интересная, но надо бы добавить кое-что. Ты сейчас в редакции самый свободный, а потому есть для тебя задание».

В служебных командировках я бывал, и не единожды. Но в основном ездил в наши, так сказать,

«пригороды», где вместе с Николаем, Аллой и Татьяной погружался в реалии и прелести сельской жизни. А тут получил командировку дальнюю, в Подмосковье к реконструкторам. Это такие ребята, которые на досуге надевают, к примеру, стальные латы и шлемы, берут в руки мечи, щиты, копья и бьются, как пращуров когда-то бились. Уж не знаю, где об этом «Штыке» шеф узнал, но только материал требовал добыть незамедлительно.

«Там недолго, — уверял он меня. — Доедешь, посмотришь, расспросишь, что да как, снимки сделаешь и домой».

Недолго, может быть, и недолго, но когда у вас на носу дачно-огородный сезон и к тому же ремонт в доме планируется, то каждый день ценен.

«Ну ладно, съезжу, — подумал я тогда, — если все пройдет хорошо, то к майским управлюсь». Я по жизни оптимист, чего и вам желаю.

Командировочные были оформлены, билет куплен, всех об отъезде предупредил, обычная холодная беседа с Ольгой состоялась, обещания Славику и Даше привезти что-нибудь из Москвы даны. Вроде бы все. Ничего и никого не забыл.

Глядя на лица родных и близких мне людей, я тогда еще не знал о том, что же произойдет со мной дальше. О, если бы мы могли предвидеть будущее! Я, увы, не мог и потому ехал в неизвестность, как всегда пугающую, но в то же время и манящую.

* * *

До Москвы добрался поездом, попутно изучая все то, с чем мне предстояло работать. Был у «Штыка» свой сайт, но информации там ско-

пилося немного. Сообщество молодое, год всего действует, специализируясь на реконструкции сражений и войн дореволюционной России начала двадцатого века. Сейчас, например, репетируют «Битву при Ковеле 1916 года», планируя разыграть ее в предстоящем июле.

А вот фото у них полно. Глаза болели от эдакого многообразия. И чего тут только нет. Обмундирование, амуниция, оружие... «Ружье-пулемет Льюиса. 1915 год», — прочитал я под очередным снимком. Перед мысленным взором мгновенно возник красноармеец Сухов из «Белого солнца пустыни», а вместе с ним пулеметные очереди, басмачи, падающие с лошадей на песок, и отчаянный крик: «Верещагин, уходи с баркаса!»

Но это киношный эпизод из культового фильма о Гражданской войне, а «Льюис» на фото, если верить надписи, из другой войны — Первой мировой. Что я о ней знал? Пять лет назад, когда приближался ее столетний юбилей, начал изучать, читал соответствующую литературу на эту тему, блок статей даже подготовил. И вот теперь я усиленно вспоминал все мне известное. Формально началась в июне тысяча девятьсот четырнадцатого с сараевского покушения, а официально завершилась через пять лет Версальским мирным договором. Для Российской империи вступление в эту войну не принесло ничего хорошего, выиграть не выиграли, а в итоге получили две революции, развал государства, Гражданскую, интервенцию, террор, экономическую разруху. Скверно тогда все вышло. Но теперь, как ни крути, мне предстояло писать о людях, воссоздающих реалии Первой

мировой уже в нашем двадцать первом веке. Работа и в самом деле интересная.

На Казанском вокзале меня уже ждали. Мрачноватые такие, угрюмые парни лет семнадцати-восемнадцати по имени Алексей и Кирилл Бакунины. Братья. И к тому же неразговорчивые. Кирилл пробурчал, что весь инструктаж будет на месте. Ну, как скажете, господа прапорщики (это у них «звания» такие в сообществе), как скажете.

Мы проехали на метро до Белорусского вокзала, а затем пересели на электричку, чтобы добраться до подмосковного Тучково. Дальше на машине. Джип подпрыгивал на весенних кочках и ухабах, а разговор все не клеился, несмотря на мои энергичные старания и богатый коммуникабельный опыт. Если в «Штыке» все такие же молчуны и нелюдимы, как Бакунины, то работать будет ох как трудно.

А кругом такая красота, что хоть сейчас на пикник! Солнышко светит, лес шумит, природа пробуждается... и тут БАЦ! Неожиданность в виде яркой вспышки, окрасившей все вокруг в малиновый цвет!

Резкий толчок! Удар! Чернота небытия!

«Что за ...?!» — только и успел подумать я, резко проваливаясь в эту черноту. Съездил, называется, в командировку.

Глава 2

Знаете ли вы, как рвутся германские крупнокалиберные артиллерийские снаряды, прозванные в царской армии «чемоданами»? Вот и я не знал

ДОБРОВОЛЕЦ, НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

до поры до времени, а происходит это так: сначала слышен где-то тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает гудение приближающегося снаряда, слышится хрипящее «хрр-о-о...»... все ближе и ближе... на миг звук замирает, а вместе с ним замирают слух с дыханием... и затем «тра-а-ах!» — взрыв. Мерзлая земля взмывает вверх вместе с огнем и дымом в виде столба, разрушающего все, что было живого и неживого в радиусе нескольких метров.

Боль. Нестерпимая, острая, адская боль резко вырвала меня из черноты. Двигаться не могу, говорить тоже, из-за звона в ушах ничего не слышу. Только вижу и чувствую.

Морозно. Перед глазами пасмурное, затянутое тучами небо, как будто сжатое с боков двумя стенами с досками, покрытыми инеем. Больше похоже на яму. Или могилу?!

Где я?! Где?!!

Снова забытье, и снова боль огненными клешнями тащит меня из этого омута. Страшно жжет спину и ноги. Как кипятком ошпарило.

— На стол! — едва слышу я сквозь звон и вижу перед собой забрызганные кровью белые халаты. Значит, все-таки авария? Не доехали мы с прапорщиками до места, врезались во что-то и теперь в больнице валяемся. Уже неплохо. Живой хотя бы. Ну, сейчас будут оперировать. Несколько сильных рук немилостиво прижали меня к операционному столу, живот уперся во что-то металлическое. По спине водят чем-то холодным, а после... Суки!! Хватит ковыряться в ранах!! Хватит!!!

Но кто меня слушает и слышит? Я сейчас выгляжу не лучше сломанной куклы или рыбы, выброшенной на берег. От боли снова в глазах темнеет. Да сколько же это изуверство будет продолжаться? Из одной черноты перемещаюсь в другую. Слух постепенно восстанавливается. Слышу хрипы, стоны, ругань, бормотание. Рядом раздается женский голос:

— Болит, Егорушка?

— Покачай, бога ради, мочи нет, — сипит кто-то в ответ.

Шаги, шарканье, снова голос — на сей раз грубый, хриплый, мужской. Опять разговоры:

— Вы дежурная сестра?

— Я.

— Вскипятите шприц. Вычеркните из списка Силантьева Тимофея и...

— Сестрица! Сестрица! Ох, ох, родимая! Мочи нет терпеть! Царица небесная, да за что мне такие муки адовы!!

Боль уже не так донимает, как раньше, но двигаться и говорить по-прежнему не могу — приложило меня обо что-то, судя по всему, достаточно хорошо. Зато могу размышлять, немного успокоившись и перестав паниковать. Что же за хрень все-таки со мной произошла? И какие кипяченые шприцы в больнице, когда уже давно пластиковые и одноразовые повсеместно используют? Может, это не больница, а обычный сельский ФАП? Хотя в ФАПах тоже медицина на месте не стоит. Да еще и этот шибко верующий рядом воеет так, что хоть беги куда подальше. Но даже он не смог помешать желанию уснуть, а спать

мне хотелось страшно. И я уснул с надеждой разобратся со своим теперешним не слишком-то обнадеживающим положением уже утром. О «параличе» и «немоте» я старался тогда не думать.

* * *

Проснулся я оттого, что меня кто-то покачивает. Вижу дощатый, будто бы вымазанный белой краской потолок и лицо склонившейся надо мной девушки. Смешная, курносая. Медсестра, наверное? Но как-то странно одета: голова повязана белой косынкой, нелепое серое платье с огромным красным крестом на груди. Что за маскарад в больнице? Непонятно.

А девушка меж тем нежно сюсюкает и тискает меня, будто я маленький:

— Ну, потерпи, потерпи немножко. Скоро доктор придет.

Терплю. Куда денешься, когда все равно как бревно — ни двинуться, ни сказать ничего нельзя. А вот и доктор. Внешне очень похож на покойного Евстигнеева, когда тот играл профессора Преображенского в «Собачем сердце». А я тогда кто? Наверное, Шарик?

«У-у-у-у-у-у-гу-гу-гу-уу! О, гляньте, гляньте на меня, я погибаю! Вьюга в подворотне ревет...»

Ничего не скажешь, сравненьице.

А может, я уже в «Калабуховском доме» на Пречистинке? Прооперирован, снабжен новыми мозгами и готов выдать свой первый «абырвалг!»?

Веселюсь, а вот доктор серьезен:

— Ну-с, голубчик, как у нас дела?.. Так-с. Все еще последствия контузии дают о себе знать. Говорить можешь? Если «да», то моргни один раз. Если «нет», то два... (Моргаю дважды.) Так-с. А двигаться? Пальцами шевелим, это хорошо. Повезло тебе, братец. Несказанно повезло. Один «чемодан», три осколка и не особо опасные последствия. Жить будешь. Лариса Анатольевна, не забывайте менять ему повязки.

— Павел Рудольфович, — рядом раздается женский голос, — полостных привезли.

— Много?

— Трех.

— С пополнением вас, многоуважаемые коллеги, будем принимать. — Доктор проворчал еще что-то себе под нос и быстро ушел. Снова начались сюсюканья медсестры, и снова новые вопросы не давали мне покоя. Как разобраться в них, я тогда еще не знал, даже несмотря на умение работать с информацией.

Вскоре сами собой вспомнились и пришли на выручку энергетические практики — одно из увлечений юности. О, я в ту пору прочел не одну книгу по дзен-буддизму, заодно практикуясь в боевых искусствах и отрабатывая всевозможные упражнения «мягкого» и «жесткого» цигун. Бывало, стоишь в «стойке всадника», глаза выпучены, ноги трясутся от напряжения, а рука тянется вперед, сжимает «тигриной лапой» трехлитровую банку с песком, ни дать ни взять великий шаолиньский монах в желтых спортивных штанах. Два раза «Ку!».

И медитация, куда уж без нее. Штука хоть и нудная, но полезная. Особенно когда обладаешь

ДОБРОВОЛЕЦ, НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

достаточным терпением и вниманием. При должном настрое может помочь, когда трудно. Мне, во всяком случае, помогла.

* * *

Не зря, ох не зря дети любят сказки. Все в сказках идеально, превосходно, чудесно. Был Иванушка-дурачок, а стал Иван-царевич. И дары ему на блюде с голубой каймой: то старичок-лесовичок клубок волшебный подкинет, то Баба-яга ваннобанно-застольно-постельные процедуры организует. И меч-кладенец в руках, и Серый Волк оседлан, и Василиса Прекрасная с царством в придачу. К-р-а-с-о-т-а!..

Это сказка, а есть просто перемещения. Во времени, например. Был «здесь», а затем — раз, и сразу «там». Получите принудительную путевку в прошлое или будущее.

Для одних такое событие — счастье, для других — горе, третьим вообще по барабану — ну забросило и забросило, чего орать и плакать-то?

Медитировал я, как всегда, неспешно. Пятнадцать минут концентрации со спокойным дыханием, и результат не заставил себя ждать. А результат такой, что разом подходящие строки вспоминаются:

Повезло. Наконец, повезло.
Видит бог, что дошел я до точки:
Самосвал в тридцать тысяч кило
Мне скелет раздробил на кусочки...¹

¹ Песня В. С. Высоцкого «Баллада о гипсе» (*здесь и далее примеч. автора*).